

© А. А. Журавлёв, 2025
УДК 61:378 (470.23-2):947.085
<https://doi.org/10.24884/1607-4181-2025-32-2-11-17>

А. А. Журавлёв*

Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова
197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 6-8

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ И СТУДЕНЧЕСТВО 1 ЛЕНИНГРАДСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХИВОВ)

Поступила в редакцию 20.01.2025 г.; принята к печати 02.06.2025 г.

Резюме

В статье рассматривается, как профессорско-преподавательский состав и студенчество действовали в самый сложный период Великой Отечественной войны. Институт перестраивался на военный ритм работы, студентов и преподавателей призывали в действующую армию. Происходила перестройка учебных планов и программ. Вырабатывались новые алгоритмы взаимодействия между студенчеством и администрацией института.

Ключевые слова: 1 Ленинградский медицинский институт, Великая Отечественная война, профессора, студенчество

Для цитирования: Журавлёв А. А. Профессорско-преподавательский состав и студенчество 1 Ленинградского медицинского института в первые месяцы Великой Отечественной войны (на материалах петербургских архивов). *Ученые записки ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова*. 2025;32(2):11 – 17. <https://doi.org/10.24884/1607-4181-2025-32-2-11-17>.

* **Автор для связи:** Александр Алексеевич Журавлёв, ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И. П. Павлова Минздрава России, 197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 6-8. E-mail: crane_62@mail.ru.

Alexander A. Zhuravlyov*

Pavlov University
6-8, L'va Tolstogo str., Saint Petersburg, Russia, 197022

THE ACADEMIC STAFF AND STUDENTS OF THE 1ST LENINGRAD MEDICAL INSTITUTE IN THE FIRST MONTHS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON MATERIALS FROM THE ST. PETERSBURG ARCHIVES)

Received 20.01.2025; accepted 02.06.2025

Summary

The article reviews how the academic staff and students acted during the most difficult period of the Great Patriotic War. The Institute was reorganized to a military regime of work, students and teachers were called up to the active army. Curricula and programs were restructured. New algorithms were developed for interaction between students and the administration of the Institute.

Keywords: 1st Leningrad Medical Institute, Great Patriotic War, academic staff, students

For citation: Zhuravlyov A. A. The academic staff and students of the 1st Leningrad Medical Institute in the first months of the Great Patriotic War (based on materials from the St. Petersburg archives). *The Scientific Notes of Pavlov University*. 2025;32(2):11 – 17. (In Russ.). <https://doi.org/10.24884/1607-4181-2025-32-2-11-17>.

* **Corresponding author:** Alexander A. Zhuravlyov, Pavlov University, 6-8, L'va Tolstogo str., Saint Petersburg, 197022, Russia. E-mail: crane_62@mail.ru.

Рис. 1. Наглядная агитация в стенах 1 ЛМИ (фотография из фондов музея ПСПбГМУ им. И. П. Павлова)

Fig. 1. Visual agitation within the walls of the 1st Leningrad Medical Institute (the photo from the Museum funds of the Pavlov University)

22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на Советский Союз и началась Великая Отечественная война, продолжавшаяся 1418 дней и ночей. Первый период войны был самым сложным и тяжелым. Страна готовилась к войне, но ее начало оказалось неожиданным не только для партийного руководства, но и для граждан СССР. В первый период начинали складываться новые алгоритмы действий в сложнейших условиях войны. В это время присутствовала неразбериха и противоречивость в действиях всех уровней власти. Некоторые лозунги предшествующего периода мешали принятию правильных решений. Во-первых, что война будет скоротечной и на чужой территории. Во-вторых, развитие критики и самокритики, что приводило к негативной оценке любых решений, если они не приносили сиюминутных положительных результатов. Поведение профессорско-преподавательского состава и студенчества 1 ЛМИ подтверждало общую картину первых месяцев войны.

Впервые о значимости этого периода было сказано на заседании Ученого Совета института в 1943 г. Директор института профессор И. Д. Страшун говорил о необходимости собирать материалы о первых месяцах войны. Он заявил: «Надо увековечить и сохранить память о людях. Необходимо в каждой кафедре и клинике вести с сотрудниками, начиная с 22 июня, кто в армии, кто эвакуирован,

кто умер, не надо терять с ними контакта. Надо поддерживать связь с живыми, знать об их работе, надо вести списки погибших, как преподавательского состава, так и студентов. Мы должны знать их имена. Надо во всевозможных подробностях восстановить жизнь 1941 – 1942 гг. Обстоятельства таковы, что сейчас уже верится с трудом, как могли люди жить и работать, но обстановка меняется и все забудется. Отсюда сейчас и требование Ученого совета ко всем членам сохранить и восстановить недостающие документы об исторических месяцах обороны Ленинграда» [1, л. 3 об.].

С началом войны институт перешел на военное положение. 23 июня 1941 г. был издан приказ по институту, в котором указывалось «прекратить отпуска всем сотрудникам института и больницы. Отделу кадров вызвать из отпуска ранее ушедших сотрудников института и больницы. Отпуска студентам III и IV курсов в этом году не предоставлять» [2, л. 117]. Распоряжение о студентах было связано с традицией предшествующих войн, когда студентов III и IV курсов досрочно выпускали из учебных заведений на театры военных действий в звании зауряд-врачей. В докладе профессора А. А. Заварзина были приведены сведения о количестве студентов: на V курсе – около 450 человек; на IV – свыше 500; на III – 600; на II – свыше 500 и на I – будет около 500» [3, л. 101]. 3 сентября 1941 г. в институте был проведен досрочный выпуск врачей. Были вручены 22 диплома «с отличием» и 106 «установленных» дипломов, 9 сентября вручили еще 15 дипломов выпускникам [4, л. 149 – 161, 177]. В отчете института за 1941 – 1942 учебный год было отмечено о проведении 2 выпусков: в июне были выпущены 567 врачей, в сентябре – 483 [5, л. 12].

6 июля 1941 г. институт перешел на военное положение. Происходило ужесточение трудовой дисциплины. «В связи с военным положением впредь до особого распоряжения отменить выходные дни для всех рабочих и служащих института, больницы, поликлиники, ОКС и других хозяйственных подразделений. В обычные дни без разрешения заведующих кафедрой или его заместителя, а по делам без разрешения начальника отдела с работы не уходить» [2, л. 148]. Студенты были обязаны вернуться в институт. Летом 1941 г. из их числа формировались отряды на оборонные работы. В июле 1941 г. работало на обороне Ленинграда 85 человек в течение 15 дней; в августе-сентябре – 960 студентов в течение 26 дней; с июня по октябрь 50 – 150 человек, причем в июне и июле работали студенты I и II курсов, а с августа по октябрь все курсы, за исключением выпускного [5, л. 14]. 5 сентября 1941 г. партийная организация института обсуждала вопрос «Задачи парторганизации и роль коммунистов при обороне Ленинграда». После доклада был задан вопрос о дезертирстве с оборонных работ некоторых студентов. Студенты самовольно покидали работы по причине распространения

Рис. 2. Директор 1 ЛМИ И. Д. Страшун (фотография из фондов музея ПСПбГМУ им. И. П. Павлова)
Fig. 2. Director of the 1st Leningrad Medical Institute I. D. Strashun (the photo from the Museum funds of the Pavlov University)

Рис. 3. Главный врач больницы им. Ф. Ф. Эрисмана Б. Я. Шапиро (фотография из фондов музея ПСПбГМУ им. И. П. Павлова)
Fig. 3. Chief Physician of the F. F. Erisman Hospital B. Ia. Shapiro (the photo from the Museum funds of the Pavlov University)

среди них информации, что на работах они будут задействованы только до 5 сентября. К тому же только студенты 1 ЛМИ отправлены на работы, в то время как студенты 2 ЛМИ, педиатрического и педагогического и других вузов не отправлены [6, л. 1]. Подобные слухи приводили к дезорганизации и деморализации студентов. Администрация института боролась с этими негативными явлениями. Провинившихся исключали из студентов учебного заведения. В начале сентября 1941 г. были отчислены 105 студентов I курса, «не явившиеся к началу занятий». Отчисления старшекурсников были с другой формулировкой «за отказ выполнить элементарные медицинские обязанности в военное время, в условиях непосредственной опасности для жизни больных» [4, л. 221]. Жесткие меры давали результат, в последующий период подобные ситуации были редки.

С началом войны произошли изменения в руководстве института. 7 июля 1941 г. в институт была направлена телефонограмма от начальника Главного управления медицинских учебных заведений Народного комиссариата здравоохранения СССР. В ней указывалась, что «с сего числа временное исполнение обязанностей директора передается профессору И. Д. Страшуну» [2, л. 153]. Одной из первых инициатив директора института было создание Совета содействия жен. Отмечалось, что «жены, дочери, сестры наших профессоров и преподавателей могут нам помочь по целому ряду вопросов, например, в вопросах питания профессорско-преподавательского состава, в вопросах питания

студенчества, в вопросах санитарного состояния наших общежитий, приискания работы и распределения между студентами, в вопросах культурного обслуживания больных и раненых» [3, л. 100].

Главным врачом больницы и начальником оперативных коек с июля 1941 г. до ухода в армию в апреле 1942 г. был Б. Я. Шапиро. Заместителем главного врача больницы и заместителем начальника по оперативным койкам в течение всей войны была В. В. Пежарская, выпускница Женского медицинского института. На заседании от 6 ноября 1941 г. заслушали отзыв рецензента профессора И. Е. Рамма о диссертации на ученую степень кандидата медицинских наук Б. Я. Шапиро «Работа клинической больницы Эрисмана в 1939 г.». Комиссия посчитала возможным ходатайствовать перед Советом института об утверждении доктора Б. Я. Шапиро в ученой степени кандидата медицинских наук при условии предоставления положительных отзывов о его работе профессорами И. Д. Страшун и В. Н. Ивановым [7, л. 23]. На заседании Ученого Совета института работа была защищена [8, л. 5–10].

Партийную организацию института возглавил И. Я. Давидович, заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма. Ответственность за неразбериху и неправильные действия в начальный период Великой Отечественной войны были возложены на секретаря парторганизации института. В январе 1942 г. был зачитан неудовлетворительный отчет РК ВКП(б) о работе партийной организации института. Было принято решение о снятии с должности

Рис. 4. Студенческий билет первокурсницы 1941 г. (фотография из фондов музея ПСПбГМУ им. И. П. Павлова)
 Fig. 4. A first-year student's student card, 1941 (the photo from the Museum funds of the Pavlov University)

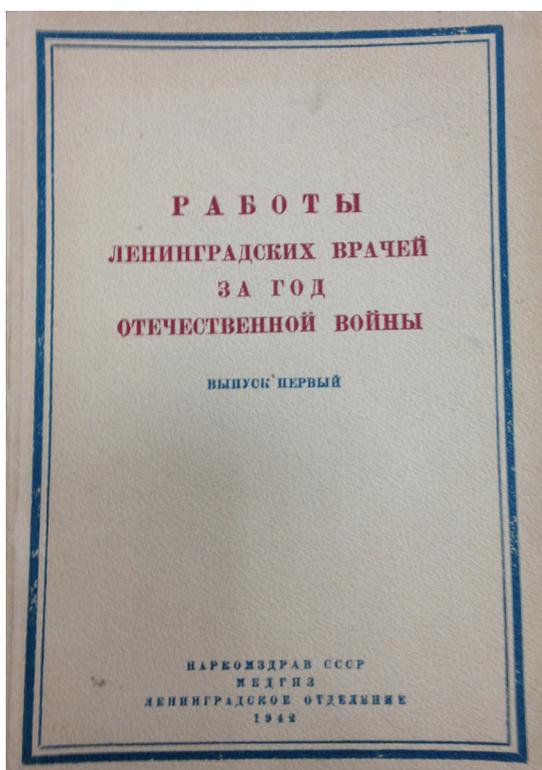

Рис. 5. Труды врачей 1 ЛМИ в годы блокады
 Fig. 5. Doctor works of the 1st Leningrad Medical Institute during the blockade

секретаря парторганизации И. Я. Давидович, и был избран секретарем С. П. Иванов [9, л. 12]. На заседании 11 марта 1942 г. предложили проголосовать «за бездеятельность как секретаря партбюро в период трудностей, вызванных блокадой, принятие мер по сигналам коммунистов о недостатках в работе больницы и института просить райком ВКП(б) о снятии товарища И. Я. Давидовича с заведывания кафедрой основ марксизма-ленинизма» [9, л. 23].

Сотрудников и студентов института призывали в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии.

За первую неделю войны в состав Красной армии были призваны 148 сотрудников института и больницы имени Эрисмана, и 44 студента I–III курсов [2, л. 122–131, 143]. 29 июля 1941 г. в институте был создан отряд народного ополчения, во главе с директором института [2, л. 314]. В октябре 1941 г. в приказе по институту зафиксированы первые потери из выпускников 1941 г. «В бою за социалистическую Родину, проявив героизм и мужество, пала смертью храбрых военврач 3 ранга Ольга Ивановна Леонтьева, воспитанница 1 ЛМИ, окончившая в 1941 г.» [4, л. 294].

В СССР с началом войны был учрежден Фонд обороны, в который перечислялись пожертвования от частных лиц. Для сбора средств в Фонд обороны страны в институте была создана специальная комиссия под председательством профессора В. Н. Иванова и членов Е. А. Левковская (лаборант 2 терапии) и Е. Н. Михайлова (техника-лаборант партбюро) [4, л. 26]. В конце 1941 г. был представлен отчет о собранных средствах в фонд обороны. Сотрудниками и студентами института были переданы 893 кг медного лома, 74 кг свинца, 2400 гр серебра, 26 гр золота, 58 510 руб., 37 850 руб. облигациями и 1007 шт. теплых вещей для бойцов и командиров. 17 500 руб. на танковую колонну имени Ленинского комсомола, и распространили билеты денежно-вещевой лотереи на сумму 12 500 руб. Отличились профессор К. К. Скробанский, внесший 1000 руб. и 5000 руб. облигациями. Студентка II курса Кузнецова передала обручальное кольцо. Профессор П. А. Останков передал 1700 руб., ассистент Дубровская 2700 руб. [10, л. 43].

Одним из сложнейших вопросов для города стала проблема эвакуации населения, предприятий, культурных ценностей. Планы эвакуации менялись по причине быстрого продвижения немецко-фашистских войск к Ленинграду. Директор института профессор И. Д. Страшун на заседании Ученого Совета института заявил, что «я должен, прежде всего, заявить, и надеюсь получить одобрение, о том, что я категорически отклонил мысль об эвакуации нашего института. Я считаю, что врачи никогда не должны и не уходили первыми из города, врачи уходили последними» [3, л. 94 об.]. В августе 1941 г., когда линия фронта проходила на дальних рубежах Ленинграда обсуждали вопрос об эвакуации студентов и детей сотрудников. 14 августа 1941 г. И. Я. Давидович выступил с докладом «Об эвакуации детей». Он проинформировал, что «из города планируется вывезти около 1 млн человек, в том числе всех детей до 14 лет. Поэтому составляются списки сотрудников имеющих детей» [10, л. 2 об.]. С 21 августа 1941 г. началась одна из первых эвакуаций партии студентов II–IV курсов в составе 55 человек, через неделю были отправлены студенты I–IV курсов – 41 [4, л. 77–78, 98–99]. Неразбериха первых месяцев войны касалась уволенных студентов, которые

Рис. 6. Выпуск 1ЛМИ 1941 г. Фотография 1971 г. (фотография из фондов газеты «Пульт») (photo from the funds of the newspaper "Pulse")

Fig. 6. Graduates of the 1st Leningrad Medical Institute, 1941. Photo from 1971 (the photo from the funds of the newspaper "Pulse")

должны были эвакуироваться, но оставались в городе и, по мнению партийной организации: «жили в общепитии, ничего не делая» [6, л. 1]. Весной 1942 г. принимается решение об эвакуации студентов и сотрудников института.

К занятиям в институте приступили 28 сентября 1941 г. С началом блокады Ленинграда в институте был изменен график занятий. Студенты I курса начинали занятия с 8.00 часов, II и III — с 9.00. Продолжительность занятий для учащихся I курса была установлена до 17 часов, для II и III — до 17.50 [4, л. 223]. В связи с сокращением светового дня и сложностями с продовольствием было принято решение об изменении времени учебы в октябре 1941 г. Для I курса время занятий установили с 8.30 до 16.50 с обеденным перерывом с 12.20 до 13.00., для старших курсов с 9.00 до 17.20, обед с 13.00 до 13.30 [11, л. 33]. С осени 1941 г., когда начались артиллерийские обстрелы Ленинграда и авиационные налеты, было принято решение о поведении студентов и преподавателей при объявлении сигнала «Воздушная тревога». Директор института И. Д. Страшун определил: «мы договорились, что при сигнале «Воздушная тревога», лекции продолжают, практические занятия продолжают; высылаются два санпоста в штаб ПВХО. Когда мы получим указания о непосредственной угрозе, мы будем прекращать лекции и занятия и уходить или на посты или в бомбоубежище» [3, л. 102об.].

В октябре 1941 г. директором института был издан приказ регламентирующий работу студентов в военное время. Для учащихся всех курсов вменялось обязательное посещение лекций и пра-

ктических занятий. Ни один студент, не отработав обязательных практических занятий и не сдавший соответствующих зачетов, не будет допущен к остальным зачетам и экзаменам. Студенты, пропустившие без ведома деканата свыше двух лекций и практических занятий, не допускаются к сдаче экзаменов и зачетов, а повторно пропускающие — будут исключены из института. Деканату и старостам групп вести строгий учет пропусков занятий, с обязательным ежедневным представлением сведений старостами в деканат и еженедельным представлением деканатом сведений о пропусках в учебную часть [4, л. 312]. Установлен перечень обязательных экзаменов и зачетов. За 1 семестр обучения студент сдавал — физику, общую биологию, общую химию (неорганическую), органическую химию и латинский язык — экзамены. Зачеты необходимо было сдать по анатомии человека, качественному анализу и основам марксизма-ленинизма. За 2 семестр студенты обязаны были сдать экзамены по анатомии человека, гистологии, биологической химии, физической и коллоидной химии, основы марксизма-ленинизма; зачет по иностранному языку. За 3 семестр — анатомия, гистология (экзамены) [4, л. 313]. К концу 1941 г. были пересмотрены программы специальных дисциплин в сторону увеличения часов на важнейшие специальные дисциплины. За счет сокращения гигиены, патологической анатомии, педиатрии и других дисциплин, «увеличены часы по хирургии, терапии и инфекционным болезням» [6, л. 18].

Стремление администрации института навести порядок в деле обучения студентов не давало

быстро желаемого результата. В 1930-х гг. не раз обсуждали вопрос о непосещении студентами лекций и практических занятий, но решить эту проблему не смогли. С началом нового учебного года вновь обсуждали ситуацию, что «студенты плохо посещают занятия, в результате чего занятия срываются» [6, л. 6]. Причинами неявки студентов на занятия являлись перегруженность различными видами работ. Дежурства в госпиталях, работа в системе МПВО и другие виды общественных работ. Директор института профессор И. Д. Страшун в своем докладе информировал, что «студенты I и II курсов без отрыва от учебы пройдут в течение 4 месяцев специальные курсы медсестер. Студенты III курса обязаны вести дежурства в качестве медицинских сестер и лекарских помощников» [6, л. 18]. По мнению профессора Н. И. Озерецкого, часть студенчества не являлась на занятия, «объясняя это семейными обстоятельствами, состоянием здоровья, переездами и прочее» [10, л. 24]. Но были и другие мнения. Профессор В. Г. Гаршин заявил, что «посещаемость занятий с каждым разом растет, занимаются довольно активно, если принять во внимание, что многие работают» [10, л. 9]. Следует отметить, что претензии предъявлялись не только к студентам, но и к преподавателям. Профессор Н. И. Озерецкий в докладе обратил внимание на ситуации, когда на занятиях присутствуют 2–3 человека и «профессор обсуждает вопрос, а стоит ли заниматься с ними» [10, л. 8]. Обратим внимание, что в сложнейших условиях блокированного города, недостатка питания и огромного объема работы ставился вопрос о качестве подготовки врачей. В приказе по институту было указано «рекомендовать профессорско-преподавательскому составу производить экзамен по билетам. Билеты не являются для экзаменатора ограничением того круга вопросов, которые он может задавать студенту. Предлагается наряду с билетом для выявления подлинных знаний экзаменующего задавать такие вопросы по всему курсу, а также по дисциплине, служащие основой сессии, которые являются подсобным для сдаваемого предмета. Например, при сдаче экзамена по терапии задавать вопрос по патфизиологии, патанатомии, гистологии, чтение рентгеновских снимков, электрокардиограммы и тому подобное» [12, л. 76].

Из числа студентов и сотрудников института формировались санитарные дружины. Отряд был создан 1 июля 1941 г. и к 1 сентября сандружинницы сдали все экзамены и были готовы к выполнению обязанностей. Всего было подготовлено около 1000 дружинниц, из них 616 человек находились в резерве института и 313 — города [10, л. 5]. Была предпринята попытка организовать занятия через организацию Красного Креста. На партийном собрании сделали неутешительный вывод, что «часть студентов записывалась на учебу РОКК, при этом организации учебы не было» [6, л. 1].

С началом войны для института возникли сложности с научной деятельностью, многие исследования были свернуты, так как сотрудники были призваны в действующую армию или ушли добровольцами. В докладе профессор Е. Л. Вендерович отметил: «я указал, что цифры, приведенные в «Пульсе», не соответствуют действительности. Я подсчитал, и Вы со мной согласились, что было запланировано 15 работ, выполнено 4. 7 работ не было выполнено, потому, что работники были взяты на военную службу» [13, л. 15]. Оценка профессора М. Г. Привеса была созвучна мнению профессора Е. Л. Вендеровича. Он выступил с заявлением, что с началом войны научная работа кафедр сократилась, но ее необходимо восстанавливать и «наоборот активизировать» [6, л. 11]. Следует отметить, что институт в 1942 г. активизировал научную деятельность кафедр и клиник.

В сложнейших условиях первого периода Великой Отечественной войны профессорско-преподавательский состав и студенчество с честью исполняло гражданский долг. Неразбериха и хаос начала войны привели к установлению жестких мер по наведению трудового порядка в институте. Сотрудники института и больницы адаптировались к сложности осажденного города. 1 Ленинградский медицинский институт не только оказывал помощь больным и раненым, но и оставался учебным заведением, готовившим врачей для армии и флота.

Конфликт интересов

Автор заявил об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

Author declares no conflict of interest.

Соответствие нормам этики

Автор подтверждает, что соблюдены права людей, принимавших участие в исследовании, включая получение информированного согласия в тех случаях, когда оно необходимо, и правила обращения с животными в случаях их использования в работе. Подробная информация содержится в Правилах для авторов.

Compliance with ethical principles

The author confirms that they respect the rights of the people participated in the study, including obtaining informed consent when it is necessary, and the rules of treatment of animals when they are used in the study. Author Guidelines contains the detailed information.

ЛИТЕРАТУРА

1. Протоколы заседаний Учёного совета январь-декабрь 1943 года // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (в дальнейшем ЦГА СПб.) Ф. 3132. Оп. 4. Д. 197.
2. Приказы по институту май-июль 1941 год // ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 137.
3. Стенографический отчет заседаний Учёного совета института. Т. 3. лето 1941 года // ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 151.

4. Приказы по институту август-октябрь 1941 год // ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 138.

5. Отчёт о научно-исследовательской работе института и работе Учёного совета института за 1941-1942 года // ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 187.

6. Протоколы общего собрания парторганизации 1941 год // Центральный государственный архив историко-партийной документации Санкт-Петербурга (в дальнейшем ЦГАИПД СПб.) Ф 257. Оп. 2. Д. 1.

7. Протоколы заседаний при директоре института 1941 год. // ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 143.

8. Стенографический отчёт заседаний Учёного совета института. Т. 4. осень-зима 1941 года // ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 152.

9. Протоколы заседаний партбюро 1942 год // ЦГАИПД СПб. Ф 257. Оп. 2. Д. 5.

10. Протоколы общего собрания парторганизации 1941 год // ЦГАИПД СПб. Ф 257. Оп. 2. Д. 2.

11. Приказы по институту ноябрь-декабрь 1941 год // ЦГА СПб. Ф. 3132 Оп. 4. Д. 139.

12. Приказы по институту июль-декабрь 1942 год // ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 167.

13. Стенографический отчёт заседаний Учёного совета института. Т. 1. весна-лето 1941 года // ЦГА СПб. Ф. 3132. Оп. 4. Д. 150.

REFERENCES

1. Minutes of the meetings of the Academic Council January-December 1943 // Central State Archive of St. Petersburg. F. 3132. Op. 4. D. 197. (In Russ.).

2. Orders for the institute May-July 1941 // Central State Archive of St. Petersburg. F. 3132. Op. 4. D. 137. (In Russ.).

3. Verbatim report of the meetings of the Academic Council of the Institute. Vol. 3. Summer 1941 // Central

State Archive of St. Petersburg. F. 3132. Op. 4. D. 151. (In Russ.).

4. Orders for the institute August-October 1941 // Central State Archive of St. Petersburg. F. 3132. Op. 4. D. 138. (In Russ.).

5. Report on the research work of the Institute and the work of the Scientific Council of the Institute for 1941-1942 // Central State Archive of St. Petersburg. F. 3132. Op. 4. D. 187. (In Russ.).

6. Minutes of the general meeting of the party organization 1941 // Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg. F. 257. Op. 2. D. 1. (In Russ.).

7. Minutes of meetings of the director of the institute, 1941 // Central State Archive of St. Petersburg. F. 3132. Op. 4. D. 143. (In Russ.).

8. Verbatim report of the meetings of the Academic Council of the Institute. Vol. 4. Autumn-Winter 1941 // Central State Archive of St. Petersburg. F. 3132. Op. 4. D. 152. (In Russ.).

9. Minutes of party bureau's meetings 1942 // Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg. F. 257. Op. 2. D. 5. (In Russ.).

10. Minutes of the party organization's general meeting, 1941 // Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg. F. 257. Op. 2. D. 2. (In Russ.).

11. Orders for the Institute November-December 1941 // Central State Archive of St. Petersburg. F. 3132. Op. 4. D. 139. (In Russ.).

12. Orders for the Institute, July-December 1942 // Central State Archive of St. Petersburg. F. 3132. Op. 4. D. 167. (In Russ.).

13. Verbatim report of the meetings of the Academic Council of the Institute. Vol. 1. Spring-summer 1941 // Central State Archive of St. Petersburg. F. 3132. Op. 4. D. 150. (In Russ.).

Информация об авторе

Журавлёв Александр Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова (Санкт-Петербург, Россия), ORCID: 0000-0002-2460-4621.

Information about author

Zhuravlyov Alexander A., Cand. of Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of History, Pavlov University (Saint Petersburg, Russia), ORCID: 0000-0002-2460-4621.